

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Русская профессура на рубеже XIX–XX вв.

*Министерство народного просвещения на пути
к введению
всеобщего обучения в России*

*Церковь, земство и народная школа в провинции
в 1860-е гг.*

Экономика, литература и Великие реформы

*Суждения В.О. Ключевского об истории
и политике*

*Незавершённый спор Б.А. Романова
и Е.Н. Кушевой*

Обсуждаем книги

«Спор о России» в переписке

В.А. Маклакова и В.В. Шульгина

«Жизнь и приключения русского католика»

В.С. Печерина

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
НАУКА

2 март
апрель
2013

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог о книге

«Спор о России» в переписке Василия Маклакова и Василия Шульгина.....	3
---	---

Институты и общности

<i>Иванов А.Е., Кулакова И.П.</i> Русская профессура на рубеже XIX–XX вв.	44
<i>Зубков И.В.</i> Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России.....	62
<i>Монякова О.А.</i> Церковь, земство и организация начального образования в провинции в 1860-е гг.	86

Сюжеты и эпизоды

<i>Цвиркун В.И.</i> Научные связи Антиоха Кантемира с Санкт-Петербургской Академией наук.....	97
<i>Артамонова Л.М.</i> Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.)..	101
<i>Феребов А.Н.</i> Причины увеличения притока студентов в Московский университет в 1803–1809 гг.	113
<i>Козлов О.В., Тихонова А.В.</i> Швейцарские учителя и гувернёры в Смоленской губернии в первой половине XIX в.	127
<i>Сапон В.П.</i> А.Ф. Лосев в Нижегородском институте народного образования в 1919–1921 гг.	134

Профессия и сообщество

<i>Поляков Ю.А., Щербань Н.В.</i> История и политика: суждения В.О. Ключевского.....	137
<i>Сидорова Л.А.</i> Б.А. Романов и Е.Н. Кушева в 1951 г.: незавершённый спор историков.....	155

Идеи и образы

<i>Иоффе Г.З.</i> Городок наш ничего	171
<i>Диалог о книге</i> «Apoloigia pro vita mea» Владимира Печерина	180

Обзоры и рецензии

<i>Христофоров И.А.</i> – Экономика, литература и Великие реформы	206
<i>Китаев В.А.</i> – Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX в. Т. 2: Власть. Общество. Культура.....	210
	237

<i>Сухова Н.Ю.</i> – А.Е. Иванов. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX в.	214
<i>Тихонов В.В.</i> – О.В. Волобуев. Н.А. Рожков: историк и общественный деятель	218
<i>Аракчеев В.А.</i> – Русистика Руслана Скрынникова. Сборник статей памяти профессора Р.Г. Скрынникова в честь его 80-летия	220
<i>Vaishkaу Н.Э.</i> – Н.Н-Notle. Geschichte Rußlands. Mit zahlreichen Karten, Schaubildern und Tabellen	224
<i>Лукьянов М.Н.</i> – Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe	227
<i>Устинова И.А.</i> – Международная научная конференция к 400-летию Совета всея Земли в Ярославле «Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода»	231
Наши авторы	235

CONTENTS

Discussing recent books

«Dispute on Russia» in correspondence of Vasily Maklakov and Vasily Shulgin	3
---	---

Institutes and communities

<i>Ivanov A.E., Kulakova I.P.</i> The Russian professorate, late nineteenth – early twentieth centuries	44
<i>Zubkov I.V.</i> The ministry of public education and the preparation of general compulsory education in Russia	62
<i>Moniakova O.A.</i> The Orthodox Church, zemstvo and the formation of primary education system in Russia's regions in the 1860s	86

Scenarios and episodes

<i>Tsvirkun V.I.</i> Antiokh Kantemir's academic relations with the Saint-Petersburg Academy of Sciences	97
<i>Artamonova L.M.</i> The State policy towards the public education in the Volga region in the eighteenth and the first half of the nineteenth centuries	101
<i>Ferebov A.N.</i> The causes of the increase of inflow of students to the Moscow university in 1803–1809	113
<i>Kozlov O. V., Tikhonova A.V.</i> Swiss teachers and tutors in Smolensk province, first half of the nineteenth century	127
<i>Sapon V.P.</i> A.F. Losev in the Nizhny Novgorod institute of public education, 1919–1921	134

Academic community

<i>Poliakov Yu.A., Scherban 'N.V.</i> History and politics: opinions of Vasily Kliuchevsky	137
<i>Sidorova L.A.</i> B.A. Romanov and E.N. Kusheva in 1951: an unfinished discussion of two historians	155

Ideas and images

Ioffe G.Z.

Our town is not too bad..... 171

Discussing recent books

«Apologia pro vita mea» by Vladimir Pecherin 180

Reviews

Khristoforov I.A. – Economy, fiction and the Great reforms..... 206

Kitaev V.A. – Essays on Russian culture. Late 19th – early 20th centuries. Vol. 2. Power – society – culture..... 210

Sukhova N.Yu. – A.E. Ivanov. The world of Russian students. Late 19th – early 20th centuries..... 214

Tikhonov V.V. – O.V. Volobuev. N.A. Rozhkov: historian and public figure 218

Arakcheev V.A. Ruslan Skrynnikov's russistics. A collection of articles in memoriam of R.G. Skrynnikov 220

Vashkau N.E. – H.-H. Nolte. Geschichte Rußlands. Mit zahlreichen Karten, Schaubildern und Tabellen 224

Lukianov M.N. – Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe 227

Ustinova I.A. – International research conference “Russia’s Time of troubles in the early 17th century: in search of way out” 231

Contributors to this issue 235

Экономика, литература и Великие реформы*

Итальянский филолог-русист, профессор Пизанского университета Guido Carpi дал своей новой книге название, которое не может не заинтересовать историка, и не менее интригующий подзаголовок. Смысл названия понять нетрудно. В эпоху Великих реформ практически каждый образованный русский считал себя экономистом, герой же книги Фёдор Михайлович Достоевский был буквально одержим социально-экономическими сюжетами – и как писатель, и, конечно, как публицист. Так, герои его романов, как известно, постоянно думали и рассуждали о деньгах (наиболее очевидным символом экономической реальности), претерпевали поистине экзистенциальные страдания из-за их отсутствия и одновременно презирали их. Историческую диссертацию на подобную тему можно было бы на скучно-академическом языке назвать «Социально-экономические проблемы пореформенной России в восприятии (или – “в творчестве”) Ф.М. Достоевского».

Впрочем, автор понимает задачу своего исследования гораздо шире. В самом деле, каков возможный предмет социологии литературы? На ум сразу приходят социальные аспекты писательского труда, издательского дела, чтения (именно так социология литературы рассматривается, например, в известных работах А.И. Рейтблата¹)? Однако из предисловия к книге Карпи становится ясно, что он концентрируется совсем на другом, а именно, на соотношении литературных форм (сюжета, поэтики, языка) и социальной реальности – теме необычайно сложной прежде всего из-за опасности «вульгарной» трактовки такого соотношения. В качестве методологической основы выступают при этом идеи известных французских социологов Люсьена Гольдмана и Пьера Бурдьё о «гомологии» или «изоморфно-

сти» социальных и поэтических форм. Замечу, что марксист Гольдман трактовал параллелизм между двумя видами реальности (социальной и литературной) гораздо более прямолинейно по сравнению с Бурдьё. Экономические основы капиталистического общества (деньги как фетиш, примат меновой стоимости над потребительной ценностью²), считал он, *напрямую*, минуя общественное сознание, отражаются в структуре западного романа, герои которого в поисках утраченной истинной (т.е., по Гольдману, потребительной) ценности вещей создают свои собственные миры³.

Но дело, конечно, не в давних теориях, а в том, какого рода оптика и исследовательские процедуры используются для интерпретации литературных произведений. Принято считать, что у филологов по сравнению со склонными к социологизации всего на свете историками эти процедуры гораздо тоньше и изощрённее (я не имею в виду официальную советскую филологию). Рецензируемая книга последовательно опровергает такие стереотипы. Объясняя свой подход к Достоевскому, Карпи, например, предлагает применить его и к «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина. Получается «дочь “зажиточного помещика”, обедневшая вследствие вторжения рыночных отношений в хозяйство её семьи и погибшая в неравном столкновении с городским миром» (с. 12). Шулеры в «Игроках» Н.В. Гоголя именуют свои слаженные действия модным тогда экономическим понятием «разделение труда». Карпи безо всякой иронии пишет по этому поводу: «Гоголь намекает на то, что если в Европе падение феодальных отношений в результате капиталистического разделения труда приводит к промышленному производству и накоплению капиталов, то в России феодализм в процессе раз-

* Г. Карпи. Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы. М.: Фаланстер, 2012. 236 с.

ложения проходит тот же путь в других формах паразитического существования, таких, как азартные (шулерские) игры» (с. 39–40).

Другой пример: «Уже Лев Пумпянский заметил равнодушие Пушкина к миру провинциального города, который так интересовал Гоголя». Что же случилось между 1823 («Евгений Онегин») и 1838 («Мёртвые души») годами? – спрашивал Пумпянский. Ответ Карпи: «Произошло то, что рано или поздно должно было случиться: целое сословие окончательно разорилось» (с. 13). Стоило бы, вероятно, спросить, отразилось ли в каких-либо исторических источниках это «окончательное» (?) разорение помещного дворянства в полтора десятилетия, ознаменовавшихся, кстати, стабилизацией рубля, широким развитием казённого кредита и активизацией хлебной торговли?⁴ Мне такие источники не известны. Подозреваю, что профессору Карпи тоже. Не логичнее ли было бы в таком случае, анализируя литературное произведение, говорить прежде всего о сознании великого писателя, не отождествляя его с окружающим миром? Более рискованными, но интересными были бы в этом случае рассуждения о различиях в «культурных кодах» александровского и николаевского царствований. Делать же на основе своеобразно понятых «Мёртвых душ» выводы о состоянии российской экономики – всё равно, что реконструировать судопроизводство Австро-Венгерской монархии по «Процессу» Франца Кафки.

Впрочем, у столь смелого экономического детерминизма (а именно он ведёт к такому прочтению литературных текстов) есть своя историографическая предыстория – я имею в виду, конечно, школу М.Н. Покровского, о котором Карпи отзывается с большой похвалой (с. 26). Видимо, Покровским навеяна и социологическая интерпретация ранних произведений Достоевского (и других авторов «натуральной школы»): «Череди “мечтателей”, живущих в полном разладе с окружающим миром, – это портрет абортивной буржуазии, того зарождавшегося среднего класса, о котором с излишним оптимизмом мечтали либералы 40-х и укреплению которого пытался в 30-е годы

способствовать Николай I. Однако в 40-е годы образование независимого и дееспособного среднего класса оборвалось» (с. 27). Читателю остаётся гадать, отчего. То ли Николай I передумал создавать буржуазию, то ли разорение дворянства вдруг оказалось не окончательным...

По сравнению с николаевской Россией, в эпоху Великих реформ, которой, собственно, и посвящена книга Карпи, гораздо проще обнаружить следы социально-экономических переломов, переворотов и мутаций. В стране в это время действительно появились элементы «капитализма», дворянство действительно стало стремительно утрачивать свои социально-экономические позиции и т.д. В текстах Достоевского этого времени не надо *вычитывать* экономические мотивы – они бросаются в глаза. Писатель и не собирался зашифровывать свои мысли и рассуждения на эту тему, неплохо понимали его и тогдашние читатели. Тревоги Достоевского, эволюция его взглядов, его публицистика и место в общественно-политическом пространстве конца 1850 – начала 1880-х гг. проанализированы в рецензируемой книге достаточно основательно. Убедителен (на мой «нефилологический» взгляд) и литературоведческий анализ мотивов спекуляции и денег в романах писателя. Здесь Карпи выходит за пределы эксплицитного, «публицистического» смысла текстов Достоевского и углубляется в неявную символику денег и наживы в его произведениях. Ему удалось также связать два этих плана (общественно-политический и собственно литературный) и показать, как именно через «экономику» Достоевский актуализировал и тестировал «вечные» нравственные проблемы.

Однако почему экономические сюжеты так занимали Фёдора Михайловича? Согласно Карпи, дело было отчасти в личной судьбе писателя, а в основном – в объективных и кричащих противоречиях социально-экономического развития страны в 1840–1870-х гг. На мой взгляд, причины этого не сводимы ни к тому, ни к другому. Понять такую увлечённость экономикой можно только в более широком общеевропейском идеологическом контексте. Новая финансово-промышленная

реальность; одержимость людей духом наживы; фиктивность денег как знака, означаемым которого оказываются не материальные ценности, а пустота, воздух; противоположность спекулятивной игры производству (особенно традиционно-аграрному) – всё это было предметом рефлексии европейских писателей и публицистов уже в XVIII в.⁵ В первой половине XIX столетия политическая экономия окончательно перерастает рамки академической дисциплины, а её методы и язык используются для осмысления самых разнообразных проблем: политических, общественных, личных⁶. Очень ярко это проявилось и в европейском романе 1830–1840-х гг. (достаточно указать на хрестоматийные произведения О. де Бальзака и Ч. Диккенса)⁷. В это же время, как известно, расцветают разнообразные социальные утопии, также излагавшиеся языком политэкономии.

Понятно, что русское общество внимательно следило за этими процессами и «примеряло» их на себя. Члены же кружка М.В. Петрашевского, участие в котором «сделало» Достоевскому «судьбу», не просто следовали за интеллектуальной модой, а были очень глубоко погружены в язык и миф политической экономии. Стоит ли удивляться, что и по возвращении из ссылки Фёдор Михайлович, размышляя о судьбе страны, активно использовал до боли знакомые понятия и символы этой дисциплины (не берусь назвать тогдашнюю политэкономии «наукой»), в том числе и для её опровержения? Ведь в стране, наконец, появились первые симптомы той новой действительности, которую русские десятилетиями изучали на примере реальной и придуманной Европы! Симптомы только появлялись, а модели для их осмысления давно уже были готовы. Не без трепета и некоторого ликования современники отмечали в конце 1850-х гг., что Россия теперь ничуть не лучше (или хуже) Франции, где спекуляции и биржевая игра десятилетиями сводят с ума не только финансистов, но и самую широкую публику⁸. Карпи приводит многочисленные примеры подобных суждений и на их основании делает вывод о чуть ли не тотальном загнивании российской элиты под властью капитала. Мне кажется,

не стоит выдавать воображенное за действительное. Критика язв капитализма пришла в Россию намного раньше самого капитализма, и только с учётом этого факта можно понять многие особенности общественно-политических процессов пред- и пореформенного времени.

Эволюция политических взглядов Достоевского от умеренного почвеннического либерализма рубежа 1850–1860-х гг. к достаточно радикальной панславистской и антибуржуазной утопии в целом известна⁹. Однако Карпи освещает немало новых и интересных её подробностей. В качестве дополнения к основной части книги в ней помещён ряд статей итальянского филолога на близкие темы, публиковавшихся с начала 2000-х гг.¹⁰ В совокупности эти тексты создают ясное представление о том направлении, в котором Карпи развивал исследование проблемы «русская литература и социальная реальность», а также ставят множество острых вопросов филологического и исторического плана.

Вместе с тем, читая книгу (особенно основную, впервые публикуемую её часть), постоянно ощущаешь резкий диссонанс между рассеянными по ней интересными и часто тонкими наблюдениями и до карикатурности резкими суждениями о пореформенном развитии страны и его отражении в литературе. Предстоящая перед нами картина этого развития довольно фантастична. При этом одновременно с экономическим детерминизмом периодически задействуется и психоаналитический (с. 68–71, 74, 86–90). Фрейдистская интерпретация произведений Достоевского не нова и предсказуема, достаточно сказать, что ею занимался уже сам родоначальник психоанализа. Однако сочетание её с упомянутыми выше прочими линиями исследования превращает работу Карпи в весьма сюрреалистическое полотно, в котором «смешались в кучу» проекции подсознания Фёдора Михайловича, его социальные фантазии, идеи автора книги и российская действительность.

Тем не менее в этом коктейле различимы не только отдельные ингредиенты, но и создаваемый ими общий вкус. Конечно, он определяется «базисом». Бурный расцвет акционерного учредительства и спекулятивной биржевой игры конца 1850-х гг.,

пишет Карпи, «стремительно разрушал феодальные структуры», но «вместо того, чтобы просто разлагаться под натиском капиталовладельцев, старая феодально-бюрократическая система сразу начала с ними взаимодействовать», примером чего автор почему-то считает «строительство многоквартирных жилых (т.е. доходных. – *И.Х.*) домов» аристократами графами Бобринским и Шуваловым «в компании известных экономистов-либералов типа Александра Абазы» (который, замечу, никогда не был «известным экономистом»). Биржевые махинации (особенно вокруг Главного общества российских железных дорог) объединили финансистов, купцов, откупщиков и придворных. «Это, кстати, и было главной причиной, по которой, несмотря на очевидное кризисное состояние, в 60-е годы система царской власти уцелела.., – резюмирует Карпи. – Всем был выгоден политический режим, который, учитывая его персоналистский архаизм и непрозрачность, тогдашние олигархи справедливо считали более податливым, нежели любой другой» (с. 43–44).

Если не считать приведённые пассажи «эзоповским» намёком на положение дел в современной России (что было бы довольно абсурдно в научной монографии), нужно признать, что ретроспективная фантазия исследователя простирается гораздо далее визионерских фантазий его героя (хотя и в том же направлении). Так, созданный в 1860 г. Государственный банк оказывается в интерпретации Карпи «простым источником кумовского финансирования» (что якобы доказывается тем фактом, что его возглавил придворный банкир барон А.Л. Штиглиц, с. 60). Неудачная попытка восстановления размена рубля на металл в 1862–1863 гг. рассматривается как результат своекорыстного давления мифической «плутократии», а «самой значительной мерой» для преодоления вызванного этой неудачей финансового кризиса была, как выясняется... продажа Аляски (с. 62). Причинами «экономического упадка» в России 1860–1870-х гг. (надо сказать, что этот упадок у Карпи столь же виртуален, как и разорение дворянства в 1830-е гг.) оказываются «финансовая глобализация» и загадочное «поземельное перераспределение после реформы 1861 года» (с. 99).

Количество примеров, мягко говоря, не вполне адекватного восприятия автором исторических реалий можно без труда умножить. Объяснить аберрации несложно: даже не пытаясь вникнуть в эти реалии, Карпи следует за тенденциозно интерпретируемыми им оценками публицистов того времени с целью доказать априорный тезис, что проза Достоевского прямо отражала окружающую писателя социальную реальность. Но в результате выходит совершенно обратная картина: получается, что это сама реальность как бы мимикрировала под сознание писателя. В созданном таким образом фантазматическом мире и находится место для «олигархов», играющих судьбами самодержавия, «финансовой глобализации», тотальной одержимости людей эпохи реформ «непроизводительными накоплениями» и т.п.

На самом деле, приводимые Карпи тексты Достоевского и его единомышленников, на мой взгляд, свидетельствуют скорее об обратном – об автономности сознания (и личного, и общественного) от социально-экономических процессов. Эта автономность, как ни парадоксально, становится особенно очевидной именно тогда, когда сознание концентрируется на этих процессах, делает их поводом и темой для размышлений и переживаний. Знаменитый швейцарский филолог Жан Старобински когда-то совершенно обоснованно предупредил, что «письмо (как процесс, *l'écriture*. – *И.Х.*) – не сомнительный посредник в передаче внутреннего опыта, оно и есть сам этот опыт»¹¹. Но ещё меньше оснований считать, что тексты, порождённые таким опытом, непременно должны транслировать множество внеположных им, зато близких исследователям этих текстов смыслов: социологических, классовых, психоаналитических.

Разумеется, как профессиональный филолог, профессор Карпи не может не осознавать, чем чреват подобный, используя его собственный термин, «редукционизм». В предисловии он цитирует своего учителя М.И. Шапира, по словам которого, «благодаря долгим разысканиям мы можем твёрдо сказать, чем отличаются друг от друга язык и поэтика разных текстов, но, к сожалению, мы всё ещё не в

состоянии, исходя из их языка и поэтики, сделать научно приемлемое заключение об их авторе – в качестве реального объекта изучения его для филологии не существует». Но, добавляет Карпи, «распознавать социальный характер и социальную судьбу того мира, который структурируется в произведении, можно и должно» (с. 18). Конечно! Но давайте *изучать* этот характер и эту судьбу, а не превращать реальный мир в проекцию чьего бы то ни было сознания.

И.А. Христофоров

Примечания

¹ См.: *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001; *он же.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.

² О том, что марксово понятие «Gebrauchswert» следует переводить как «ценность», а не «стоимость» см.: *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России, 1805–1905. М., 2008. С. 224–225.

³ *Goldmann L.* Towards a sociology of the novel. N.Y., 1975. P. 7–15 (французский оригинал книги опубликован в 1964 г.).

⁴ Далее речь идёт даже о «вымирании» дворянства, отразившемся якобы уже в творчестве Пушкина, которое, как выражается Карпи, представляло собой «попытку зализать социальные раны» (с. 14).

⁵ См.: *Thompson J.* Models of value: eighteenth century political economy and the novel. Durham, 2006; *Shovlin J.* The political economy of virtue: luxury, patriotism, and the origins of the French revolution. Ithaca, 2006; *Gray R.T.* Money matters. Economics and the

German cultural imagination, 1770–1850. Seattle, 2008.

⁶ См., например: *Swedberg R.* Tocqueville's political economy. Princeton, 2009.

⁷ См.: *Wagner T.S.* Financial speculation in Victorian fiction: plotting money and the novel genre, 1815–1901. Columbus, 2010; *Jaffe A.* The affective life of the average man: the Victorian novel and the stock-market graph. Columbus, 2010; *Mortimer A.K.* For love or for money: Balzac's rhetorical realism. Columbus, 2011. Я перечисляю только самые последние работы на эту тему. Полный список подобных исследований занял бы много страниц. Однако ни одно из них в книге Карпи не упомянуто.

⁸ Кстати, как показал уже полвека назад Рондо Кэмерон, и во Франции развитие капитализма отнюдь не сводилось к биржевым спекуляциям, да и сами эти спекуляции были не столько «производством капиталов из воздуха», сколько лишь одним из аспектов бурного экономического (в том числе промышленного!) роста. См.: *Cameron R.E.* France and the economic development of Europe, 1800–1914. Conquests of peace and seeds of war. Princeton, 1961.

⁹ См., в частности: *Твардовская В.А.* Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). М., 1990.

¹⁰ Перечислю названия этих статей: «“Умственная оргия”. Ф.М. Достоевский и тверские либералы»; «Ф.М. Достоевский и судьбы русского дворянства (по роману “Идиот” и другим материалам)»; «Почвенничество и либерализм (А.П. Щапов и журнал “Время”)»; «Были ли славянофилы либералами?»; «“Деньги до зарезу нужны”: темы денег и агрессии в “Братьях Карамазовых”». За пределами книги осталась интересная статья: *Карпи Г.* Гоголь-экономист (второй том «Мёртвых душ») // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 304–318.

¹¹ *Starobinski J.* La relation critique. P., 1970. P. 18.

Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 740 с.

Увидел свет второй том «Очерков русской культуры. Конец XIX – начало XX в.», подготовленный учёными исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова совместно с исследователями академических учреждений Москвы и вузов других горо-

дов (руководитель проекта Л.В. Кошман). Как следует из подзаголовка («Власть. Общество. Культура»), содержание тома вбирает в себя компоненты культуры, не входящие в пространство общественно-культурной среды (это тема первого тома) и художественной культуры (она рассмат-

Наши авторы

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Псковского государственного университета

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор Самарской государственной академии культуры и искусств

Вашкау Нина Эмильевна, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Дедков Никита Игоревич, кандидат исторических наук, доцент Московской школы экономики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Зубков Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, старший редактор научного издательства «Большая Российская энциклопедия»

Иванов Анатолий Евгеньевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Иоффе Генрих Зиновьевич, доктор исторических наук

Китаев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Козлов Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета

Котов Александр Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций

Кулакова Ирина Павловна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Левандовский Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Листиков Сергей Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Лукьянов Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета

Монякова Ольга Альбертовна, кандидат исторических наук, докторант Шуйского государственного педагогического университета

Парсамов Вадим Суменович, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Петров Фёдор Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Государственного исторического музея

Поляков Юрий Александрович, академик РАН

Пономарёва Варвара Витальевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Пученков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, докторант Санкт-Петербургского института истории РАН

Репников Александр Витальевич, доктор исторических наук, главный специалист РГАСПИ

Розенталь Исаак Соломонович, доктор исторических наук, главный специалист РГАСПИ

Сапон Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Сухова Наталия Юрьевна, доктор исторических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Тихонова Анастасия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Смоленского государственного университета

Устинова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Феребов Александр Николаевич, аспирант кафедры истории России Средних веков и Нового времени факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

Хорошилова Любовь Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Христофоров Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель главного редактора журнала «Российская история»

Цвиркун Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор Кишинёвского государственного педагогического университета

Цимбаева Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Шевырин Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Щербань Наталия Викторовна, кандидат исторических наук

Щербатова Ирина Фёдоровна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН